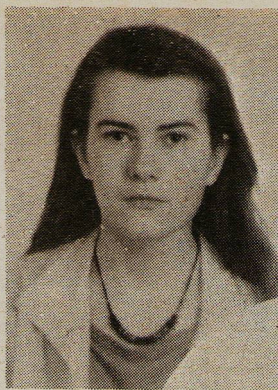

Шоу Бернард

ОТКРЫТАЯ КНИГА

ПРОДОЛЖАЮТ кипеть страсти вокруг недавно открытых, ранее мало-известных или запрещенных имен философов, писателей, художников, режиссеров, композиторов. Но в это же самое время, вдали от бурных споров, вне эйфории потрясающих открытий, выходят книги со спокойными названиями.

Книги о том, что давно известно — и все-таки мало изучено. «Бернард Шоу и русская художественная культура на рубеже XIX и XX веков» — новая работа Анны Георгиевны Образцовой, вышедшая в издательстве «Наука». Исследует модный период рубежа веков. Однако все четыре фигуры — Шоу, Толстой, Чехов, Горький, — сейчас находятся, скорее, на периферии читательских интересов. Но в данном случае «немодный» предмет искусствоведческого внимания лишь укрепляет позиции автора. Возникает возможность отрешиться от быстро возникших стандартов интерпретации рубежа веков и взглянуть на эпоху без суеты и предубеждений.

Сопоставление Шоу с Толстым, Чеховым и Горьким заставляет даже не столько задуматься о творчестве этих четырех художников, сколько увидеть множество сходных мотивов, возникающих у совершенно разных писателей на перекрестке XIX и XX столетий. Книга повествует о конкретных творческих индивидуальностях. Но не портреты художников становятся ее единственным и главным сюжетом. Состояние человека и культуры, напряженное драматическое взаимодействие, конфликтное сосуществование различных тенденций в искусстве той эпохи — внутренняя, подспудная тема исследователя. Именно эта тема позволяет проводить неожиданные и далеко не однозначные аналогии между «Плодами просвещения» Толстого и «Домом, где разбиваются сердца» Шоу. (Параллели пьесы Шоу с «Вишневым садом» гораздо более традиционны, «на слуху», а здесь они не-

сколько отступают на второй план.) Эта тема создает емкую перспективу, в которую встраивается образ горничной Тани, наследующей амплуа Лизы в «Горе от ума», Сюзанны в пьесе Бомарше и в конечном итоге восходящей к архетипу неутомимой и веселой Коломбины. Ощущение единого культурного пространства сталкивает и парадоксально рифмует две цитаты — монолог Нины Заречной из пьесы Трехплева в «Чайке» и пассаж Гордона Крэга о рождении действия во вселенной из статьи «Жест».

Знакомые «рубежи» и новые перспективы

18.07.93

Книга А. Г. Образцовой содержит в себе множество интересных фактов, малоизвестных высказываний художников, фрагментов критических статей, свидетельствующих о непосредственном восприятии театральных постановок тех лет. Этот огромный и разнообразный материал, присутствующий в исследовании, создает богатый контекст для анализа Бернарда Шоу. Новая работа Анны Образцовой представляет своего рода заключительную часть трилогии об этом драматурге. Две книги — «Драматургический метод Бернарда Шоу» и «Бернард Шоу и европейская театральная культура на рубеже XIX—XX веков» — были выпущены в предшествующие годы. Личность Шоу изучена исследователем полно и всесторонне еще до написания последнего труда. Поэтому в новой книге портрет Шоу сочетает в себе эскизную легкость и отчетливость обобщений. Компактные формулировки и меткий выбор цитат из пьес и статей Шоу обрисовывают личность англо-ирландского драматурга целостно и без нажима, будто сами собой. В видении А. Г. Образцовой Шоу предстает одновременно публицистом и эксцентриком, парадоксалистом и новатором, меланхоликом и ироничным рационалистом.

И все-таки происходит, как мне представляется, непреднамеренное, но весьма плодотворное смещение акцента. Шоу и русская художественная культура на рубеже веков — в этой двухчастной композиции перевешивает последняя часть. Что придает книге будоражащую занимательность и объективность. Не материал komponуется в соответствии с заявленной темой, а тема трансформируется в зависимости от специфики материала, которую интуитивно почувствовал и учел автор. При сопоставлении с Шоу три русских писателя кажутся особенными, поистине грандиозными фигурами. Их творчество — своего рода пребывание в безбрежной жизненной материи, в бурлящей энергии реальности.

Это созидание бесконечно сложной художественной ткани, структура которой трудноуловима и иррациональна. Не случайно в рассуждениях Анны Образцовой, вслед за высказываниями Толстого и Горького, то и дело возникает тема богоборчества, титанизма, столь важная для творчества и личных судеб не только Толстого и Горького, но в каком-то смысле и Чехова. Ведь и у него есть стояние на «прочной основе» (которое Толстой не находил у Шоу), нераздельно от жизненной плоти, и ощущение человеческого величия. Из этого может произрастать и отчаяние, и горькое разочарование в людях, — и многие новые направления искусства, от символизма до абсурдизма. Бернард Шоу будто зависает над жизненной материей, строя свои остроумные композиции как бы наперекор ей, но и будучи отторгнутым от нее. Драматург смотрит в лицо страшным истинам бесстрашно, но и слишком бесстрастно. Он больше ориентирован на отрицание, осмеяние, разложение образа мира. И это сближает его с авангардом, противопоставляя трем русским литераторам. Книга невольно подводит к теме культурного слома на рубеже веков, обусловившего драматизм искусства XX века.

Екатерина САЛЬНИКОВА.